

«С ЧЕМ КУШАЮТ СЧАСТЬЕ»

В 1957 году чиновники-партиработники сделали все, чтобы постановка полузапрещенной пьесы **Александра Галича «Матросская тишина»** так и не появилась перед зрителями **«Современника»**. Пьеса вызвала множество вопросов и не имела грифа ЛИТО, что фактически означало полный запрет. И действительно, намеки на ужасы 1937 года, отсутствие прославления существующего строя, ирония над происходящим вокруг и, наконец, еврейская тематика и вытекающий отсюда антисемитизм на государственном уровне, — только храбреец мог взяться за такой скользкий по тем временам материал. Молодые и дерзкие основатели **«Современника»**

во главе с **Олегом Ефремовым** довели спектакль лишь до генеральной репетиции, и на этом все было кончено. Олег Табаков, занятый в спектакле в двух второстепенных ролях, был возмущен таким предвзятым отношением к хорошему и близкому ему материалу. Много лет эта тема не отпускала его и, наконец, в 1988 году, из личного протеста Табакова против несправедливости спектакль под названием **«Моя большая земля»** (второе название пьесы) появился на свет в виде дипломной работы его третьекурсников. Постановка стала событием не только у себя на родине, но и за ее пределами.

Только через два года, в 1990-м, спектакль под названием **«Матросская ти-**

Сцена из спектакля. 1990. Фото из архива театра

Мейер Вольф — О. Табаков, Роза Гуревич — О. Блок-Миримская.
Фото из архива театра

шина» начал свою жизнь в подвальном театре Олега Табакова как взрослое и самостоятельное произведение. Он стал своеобразной школой для многих молодых артистов. Роль студента-скрипача Давида Шварца удалось прочувствовать на себе и **Филиппу Янковскому**, и **Александрю Марину**, и **Евгению Миронову**, и **Сергею Безрукову**. Лишь один образ оставался постоянным — Абрама Шварца в исполнении **Владимира Машкова**. Всем давно известно, что Олег Павлович имел особый нюх на таланты и неудивительно что он сделал ставку на молодого актера, чем во многом определил его судьбу. Табаков мог и сам сыграть эту роль, причем, блестяще, но, вероятно, у него были веские причины этого не делать. Многие годы спектакль не сходил с подмостков и имел невероятный успех, но жизнь внесла свои коррективы. Его пришлось закрыть. К счастью, никакие чиновники

не были причастны, это были личные мотивы Владимира Машкова, а без него стало бессмысленно продолжать играть этот спектакль.

Весной 2018 года Олега Табакова не стало и художественным руководителем театра был назначен Владимир Львович Машков. Он посчитал необходимым в память о своем учителе восстановить (при участии **Александра Марина**) знаковый для театра спектакль, да еще сделать это в год 100-летия со дня рождения Александра Галича.

Неразумно сравнивать две постановки — прежнюю и восстановленную. Со времени последнего показа прошло порядка 20 лет. Лишь видеозаписи середины 90-х позволяют сделать незначительные выводы. Общий рисунок спектакля остался прежним. Замечательные декорации **Александра Боровского** к спектаклю Табакова все так же актуальны и значимы, как значима и современ-

Сцена из спектакля. 1990. Фото из архива театра

Абрам Шварц — В. Машков, Ханна — Н. Попова, Чернышёв — А. Смоляков

на сама пьеса. Конечно, вопрос антисемитизма сейчас мало кого волнует, но тревога за судьбы людей возрастает с каждым днем. Неизменными остаются тоска по лучшей жизни и любовь к близким, к тем, с кем мы порой бесцеремонны и жестоки.

Выпускник Школы Олега Табакова **Владислав Миллер** — пятый в истории спектакля «сын» Абрама Шварца-Владимира Машкова. Он ничуть не уступает своим предшественникам. Его Давид убедителен в своем отношении к непрестижному отцу, в своей обиде на его бытовое пьянство и оплеухи. Но эти чувства, эти слезы — не озлобление, а любовь, причем бесконечная, какая мо-

жет быть лишь к родителям, к самым родным людям. Поэтому он не осуждает своего соседа по общежитию Славку Лебедева (**Никита Уфимцев**), исключенного из комсомола из-за отца-врага народа, не заставляет его отречься, наоборот, в его словах звучат боль, страдание и страх. Время тревожное, а отец Давида — помощник начальника товарного склада, который «крутится и комбинирует». На самом деле удивительно, что Галич не прописал в пьесе ни одного образа «правильного» комсомольца. Все помогают тому, кого логично было бы уничтожить, унижить на собрании, наказать всеобщим презрением и до кучи объявить бойкот. Пона-

Абрам Шварц — В. Машков, Роза Гуревич — Я. Сексте

чалу кажется, что именно такой и должна быть комсомолка Людмила Шутова (**Арина Автушенко**). Она и стихи читает, как речь на собрании произносит, и задает неуместные вопросы про историю партии, но неожиданно придумывает несуществующий долг Славке Лебедеву и оказывается девушкой трогательной и чувствительной. Каждый раз после возвращения к себе в комнату от ребят, где она развязно и бесцеремонно вела себя, Людмила падает на кровать, уткнувшись в подушку и проникновенно, по-девичьи страдает от неразделенных чувств.

Положительный герой и секретарь партийного бюро консерватории Иван Кузьмич Чернышёв (**Андрей Смоляков**). Он по-отечески помогает ребя-

там, подкармливает бутербродами с колбасой, восстанавливает стипендию Лебедеву, хлопочет о том, чтобы Давида Шварца, несмотря на его рваную кантилену, отправили на Всесоюзный конкурс скрипачей. Чернышёв Андрея Смолякова глубоко переживает за своих подопечных и мудро улыбается, когда чувствует неловкость и смущение Давида при встрече с отцом. Сердце сжимается, когда видишь его реакцию на сообщение об аресте друга семьи Шварцев Мейера Вольфа (**Сергей Беляев**). Безысходность и трагизм в каждом взгляде этого, казалось бы, несокрушимого человека.

Не раз возникла мысль о том, что молодым артистам театра, вчерашним школьникам, наверняка тяжело иг-

Абрам Шварц — В. Машков, Давид — В. Миллер

рать в этом прославленном спектакле, да еще на одной сцене с такими именитыми коллегами как **Сергей Угрюмов** (Митя Жучков), **Яна Сексте** (Роза Гуревич), Сергей Беляев, Андрей Смоляков, не говоря уже о Владимире Машкове, который, мало того, что один из самых почитаемых артистов в стране, да еще и «начальник» по должности. Молодежь с честью выдерживает это нелегкое испытание и ничем не выдает своего страха и смущения, без которых наверняка не обходится ни один выход на сцену. Ко всему для них это невероятная школа — работа вместе со своими учителями, и она обязательно даст свои плоды.

Несмотря на густонаселенность спектакля, на его удачу в распределении ро-

лей, иногда создается ощущение просмотра моноспектакля. Безусловно, это относится к Владимиру Машкову. То, что артист делает на сцене, не поддается логическому объяснению. С каждой сценой градус его воздействия на зрителя повышается, и когда он начинает свой монолог: «...Меня убили. Год тому назад...», — зал уже невозможно остановить от слез. Щемящее чувство любви к своим близким просыпается в каждом человеке, пришедшем на спектакль. Наверняка такое возникало и раньше, но сейчас, когда Владимир Машков достиг возраста своего героя, прочувствовал его, когда продуманные эмоции заменились пережитыми, степень воздействия не только на зрителя, но и на коллег по спектаклю возросла

Сцена из спектакля

до невероятных вершин. Его взгляд невозможно забыть, невозможно ему не поверить. Абрам Ильич Шварц Владимира Машкова невероятно трогательный, несмотря на отталкивающий и неприятный внешний вид. Его душу — тонкую, ранимую, стремящуюся к прекрасному и недостижимому, невозможно не прочувствовать и не понять. Не смог он стать великим человеком, но «влюбился в музыку за чужим окном», и появилась мечта о том, как научит сына этому прекрасному искусству, сделает из него великого музыканта, пусть даже через пинки и обиды. Сын вырастет, поймет и скажет людям: это папа «сделал из меня то, что я есть»...

Спектакль Театра Олега Табакова «Матросская тишина», несмотря на всю его трагичность, наполнен теплом,

нежностью и безграничной любовью, — к своим близким, друзьям, к жизни, мечте. Именно любовь — самая сильная созидательная сила. Благодаря ей появляется великая музыка, гениальная литература, выдающиеся шедевры мирового искусства. Пьеса Александра Галича, теперь уже признанного мастера, благодаря энергии и острому чувству справедливости Олега Павловича Табакова прожила долгую театральную жизнь. А дальше?.. Наступает другое «дальше» — открывается второе дыхание, вторая молодость легендарной постановки, которую с такой любовью и таким трепетом возродили благодарные ученики.

*Евгения РАЗДИРОВА
Фото Ксении БУБЕНЕЦ*